

Послесловие

Последняя страница рукописи этой книги была написана в начале сентября 2018 года в полуоптимистичном ключе, которого я тогда еще (отчасти) придерживался.

Предыдущие два года я провел, погрузившись в науку о климате, – тогда я воспринимал эти исследования как плоды своего рода пробуждения или, как сказали бы раньше, откровения – настолько однозначно прогнозы ученых намекали, что мне следует пересмотреть свои взгляды на мир и грядущие десятилетия.

Но процесс написания книги был сам по себе расплатой или даже борьбой с учетом того, насколько все эти новые знания потрясли и исказили интуитивные представления – о политике и экономике, о ходе истории и стабильности прогресса, – которые я вложил в это исследование, словно талисманы своей наивности. Приступая к работе над последними страницами, я уже понимал, что лишь немногие обывательские представления о решаемости климатического кризиса смогут пережить реальное столкновение с его необузданной жестокостью. И тем не менее я продолжал воспевать фантазию о всеобщем, универсальном, глобальном взгляде на судьбу планеты и тех, кто надеется на ней жить. Я всерьез считал, что если мы посмотрим на климат с этой общей точки зрения, то еще успеем обеспечить пригодное для жизни, полноценное, справедливое и радужное будущее. Или, по крайней мере, относительно пригодное для жизни, относительно полноценное и относительно радужное – ведь мы уже живем на планете, раздираемой изменениями климата, и видим, как легко даже предчувствие дефицита ресурсов становится причиной ресурсной зависти и ее оправданием во имя тех, кто пользуется привилегиями сытой и безопасной жизни, ценой непропорциональных страданий тех, кому в этой жизни не так повезло. Разумеется, это счастливое будущее еще возможно, и единственной помехой на пути к нему являемся мы сами и созданные нами препятствия, которые мы теперь вынуждены преодолевать, чтобы достичь хоть какого-то прогресса. Вопрос только в том, насколько мы верим в свои шансы на выживание, которые уже несколько десятилетий тают с каждым днем, уничтожаемые ростом концентрации углекислого газа и токсичных загрязнений, словно удушливыми газами, проникающими в комнату. Нашу единственную комнату.

Думаю, любой, кто решится написать подобную книгу, втайне лелеет тщеславную мечту, что его работа сохранится на века. Но в этом вся сущность данной темы – всеобъемлющей, всезатрагивающей, всепреображающей – даже те, кто прочтет первое издание «Необитаемой Земли» в мягкой обложке[152], уже будут жить не в том же самом мире, в котором она была написана. За прошедший год марш науки не останавливался, и ее набат гремит так же мрачно, если не мрачнее: ледники и вечная мерзлота тают еще быстрее; мы видим новые температурные рекорды и небывалые природные пожары. Авторитетные отчеты говорят, что около миллиона видов животных находятся на грани вымирания; ученые в рамках новых моделей поднимают вопрос о том, что ожидаемые выбросы могут

привести к гораздо большему потеплению, чем считалось до сих пор, и что уже в следующем столетии планета может потерять способность формировать облака – в результате чего мы получим еще восемь градусов потепления. Возможно, размышлять, означают ли 5 °C коллапс цивилизации или что-то подобное, – слишком пессимистично; но не думать так о 13 °C – просто глупо.

Были и обнадеживающие моменты. К примеру, оказалось, что в предложенном ООН «базовом сценарии» будущие выбросы сжигания угля были переоценены, а значит, большая часть ученых, принявших за основу сценарий RCP8.5, преувеличила интенсивность воздействия этих выбросов. Но главные новости в кои-то веки поступили не из науки, а из политики. Эпоха климатического движения, начавшаяся осенью 2018 года, стала временем пьянящей радости для тех, кто намного раньше меня сосредоточился на климатическом кризисе, кто десятилетиями смотрел, как он безудержно растет – пока не вырос настолько, что занял весь горизонт человеческих возможностей. Ученые и активисты, повидавшие за время своей работы периоды полного бездействия – периоды, в течение которых каждый год устанавливались новые рекорды по объемам выбросов, – говорили мне, что впервые ощущают такой оптимизм.

ООН выпустила судьбоносный доклад «судного дня»[153], в котором было без прикрас описано все то, что принесет неуправляемое глобальное потепление в следующие десятилетия и какие масштабные согласованные, скоординированные усилия понадобятся, чтобы взять ситуацию под контроль. Доклад прямым текстом призывал к мобилизации уровня Второй мировой войны, причем его тон был намного тревожнее и решительнее, чем у любого другого заявления организации такого уровня. И эта мобилизация, предупредил генеральный секретарь, должна начаться в ближайшие месяцы. В тот момент Грета Тунберг еще была никому не известной шведской школьницей, которая прогуливала уроки по пятницам, чтобы протестовать против бездействия ее страны по вопросам климата, – за следующие несколько месяцев она стала кем-то вроде климатической Жанны д'Арк, с убийственной прямоотой выступив в ООН и на Всемирном экономическом форуме и вдохновив миллионы людей в Европе и остальном мире на активные действия. Той же осенью в Великобритании группа экологов Extinction Rebellion заявила о себе, заблокировав пять мостов в центре Лондона; их первым требованием было всего лишь «Скажите правду». В США произошло нечто похожее: члены движения Sunrise Movement ворвались в офис Нэнси Пелоси, будущего спикера Палаты представителей США, и при содействии Александры Окасио-Кортес, новой героини климатической повестки, вывели «Зеленый новый курс»[154] в самый центр американских политических дебатов – беспрецедентный рывок по сравнению с политической эпохой Обамы, когда многие демократы считали умеренную программу эмиссионных квот слишком жесткой. Партия выдвинула в президенты серьезного кандидата с программой «Климат превыше всего», Джея Инсли, и провела предвыборную кампанию, в ходе которой все оппоненты Дональда Трампа как будто участвовали в некой гонке вооружений по изменению климата, соревнуясь в том, кто серьезнее и амбициознее отнесется к угрозе, единогласно ими названной «экзистенциальной».

Опросы общественного мнения редко отражают бурную динамику реальных политических сил, вместо этого сжимая весь спектр настроений в горстку общих ответов; но в данном случае даже их результаты были показательны. Больше американцев, чем когда-либо,

поверили в изменение климата, больше – стали о нем беспокоиться, больше – паниковать. На самом деле больше американцев верит в угрозу глобального потепления, чем в существование научного консенсуса по ее поводу, что отражает всю иронию эффекта распространения дезинформации. В отдельных случаях число обеспокоенных граждан поднималось на десять процентных пунктов за год.

Разумеется, общественное мнение не может напрямую воздействовать на рычаги управления миром, и, даже когда такое изредка случается, это происходит очень медленно и неспешно. Даже среди защитников окружающей среды были те, кто не понимал, насколько серьезно протестующие оспаривают строительство атомных электростанций, или смысл объединения климатической повестки с вопросами социальной справедливости, – и, вспоминая всплески обеспокоенности после урагана «Катрина» или выхода «Неудобной правды»[155], они недоумевали, как долго все это может продлиться. Недавняя история масштабных протестных движений была не особо вдохновляющей, так что можно вполне понять скептиков, спрашивающих, насколько этот импульс жизнеспособен: в прошлом десятилетии было движение Occupy Wall Street, в позапрошлом – протесты против войны в Ираке, а последние годы XX века были ознаменованы яростными выступлениями против ВТО. Постфактум каждое из этих движений сразу же оценивали как «полный провал» – словно сдувшийся воздушный шар недовольства, лежащий на брусчатке после парада, как напоминание о границах возможностей протестов и преградах на пути к власти. И тем не менее, хотя консервативные историки редко это признают, годы спустя политическая сцена не просто реагирует на все эти движения и их приоритеты, но, возможно, из них же и произрастает: подозрительное отношение к глобализации, страх перед внезапным военным конфликтом между сверхдержавами, неприязнь не только к разрыву в доходах, но и к культурному и социальному неравенству, которые неизбежно из него проистекают. Современная политика – это политика протестов; она так глубоко впитала их гнев, что зачастую мы даже не можем разглядеть ее радикальность.

Невероятно, но климатические протесты прошлого года уже превзошли все предшествующие им движения и их достижения, добившись за такое короткое время намного большего, чем просто перемен в общественном мнении. В начале 2019 года Грета получила от президента Европейского союза обещание, что четверть всех расходов ЕС будет направлена на адаптацию и реагирование на изменение климата; и ведь ей тогда только исполнилось шестнадцать. К лету движение Extinction Rebellion помогло оказать давление на британский парламент, чтобы тот объявил чрезвычайное климатическое положение, – и это консервативный парламент, по уши погруженный в многочисленные тонкости Брексита. Покидая свой пост, Тереза Мэй обязала страну достичь углеродного нейтралитета к 2050 году.

Все три обещания были несравнимо серьезнее и амбициознее, чем все, что считалось политически достижимым – или хотя бы воображимым – еще за несколько месяцев до этого. Но, если верить осторожным оценкам ООН, уверявшим, что у нас было от силы десять лет, чтобы сократить выбросы вдвое, эти меры абсолютно несостоятельны для предотвращения климатической катастрофы. А от Британии, внезапно ставшей соперницей Германии за титул глобального лидера по возобновляемой энергии, стоило бы требовать гораздо больших уступок как от страны, несущей колоссальный груз исторической углеродной

ответственности – хотя, конечно, намного меньший, чем у США, чьи суммарные выбросы несравнимо выше. Однако если скептикам можно простить сомнения в эффективности массовых протестов, то климатическим оптимистам можно простить мысли почти противоположного толка: что все движется в правильном направлении, кроме времени, которого у нас очень мало.

Но в случае с климатом, как и со всем остальным, история не движется по прямой. В современном мире есть место и для Греты Тунберг, и для Жаира Болсонару, преследующего план по масштабному освоению бассейна Амазонки и уничтожению самого продуктивного на планете поглотителя углерода. В США Майкл Блумберг потратил 500 миллионов долларов на закрытие американской угольной отрасли; тем временем в первой половине 2019 года в Китае рухнули инвестиции в возобновляемую энергию – и, к сожалению, эта тенденция распространилась по всему миру. Американские нефтяные компании лоббировали углеродный налог, но взамен просили ввести мораторий на будущие климатические иски. А в июне тем демократическим кандидатам в президенты, которые наблюдали, как глобальное потепление вопреки всему поднималось на вершину запросов избирателей, сообщили из партии, что дебатов по климату не будет. В тот же месяц Канада объявила чрезвычайное климатическое положение – и на следующий день утвердила прокладку нового нефтепровода. После убийства журналиста Джамала Хашогги[156] наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бин Салман рассуждал о необходимости для экономики его страны оставить в прошлом производство ископаемого топлива – а через несколько месяцев вновь стал изучать возможность IPO для национальной нефтяной компании Aramco и получил право проведения следующей конференции G20. Газета The New York Times обнаружила, что климатический скептицизм, проповедуемый Институтом конкурентного предпринимательства, ведущим либертарианским аналитическим центром, получил поддержку «крупных корпораций, таких как Google и Amazon, которые взяли на себя обязательства по решению проблемы изменения климата и сделали их ключевой частью своих корпоративных PR-стратегий».

Я снисходительно писал о другой разновидности климатического лицемерия – со стороны тех, кто, призывая к переменам, продолжает летать на самолетах и есть гамбургеры; скорее всего, они считают, что политика предлагает более продуктивный путь, чем личный выбор отдельного человека и даже целого сообщества единомышленников, – такой подход приведет лишь к незначительным изменениям. Но растущее лицемерие поистине могущественных корпораций, стран и политических элит иллюстрирует куда более пугающую перспективу, так хорошо знакомую нам по другим проявлениям политики: разговоры о климате могут стать не шагом к изменениям, а оправданием и прикрытием бездействия и безответственности, покуда власть имущие всего мира будут хором заговаривать нам зубы.

В таком случае остальным просто придется привыкать к этому. Как это почти всегда и происходит – слабейшие вынуждены подстраиваться под сильнейших. Это и есть настоящее проклятие безобидного, на первый взгляд, термина «нормализация», который грозит описать жесткие перемены в жизни миллиардов малоимущих, в странах, согласно одному исследованию, уже потерявших четверть потенциального роста ВВП за последние десятилетия из-за изменений климата. Но нормализация испортит и жизни обеспеченных

людей, уже не так надежно защищенных от сил природы, как им казалось в последние десятилетия, – я увидел это своими глазами весной 2019 года, когда ездил в Калифорнию, чтобы взглянуть в будущее природных пожаров.

Когда я приехал в Лос-Анджелес в марте 2019-го, там шел тридцать первый день непрерывного дождя. Невероятный потоп для измученного засухами штата, но вместе с тем и неоднозначный дар природы – как мне сказали не только ученые, но и пожарные, местные политики и некоторые особенно сведущие калифорнийцы. В лесах штата жара и засуха стабильно создают условия для возгорания – это основные причины, по которым изменение климата обещает в будущем принести более длительные и, вероятно, более интенсивные сезоны пожаров. К примеру, засуха, продлившаяся с 2010 по 2016 год, оставила после себя 147 миллионов мертвых деревьев; сегодня, по данным службы Cal Fire, их 357 миллионов. Но в Большом Лос-Анджелесе[157] луга гораздо нагляднее иллюстрируют ситуацию – трава растет намного активнее, если идет дождь. Такая последовательность экстремальных погодных явлений кажется невозможной – беспрецедентные дожди, вмиг сменяющиеся угрозой пожара, – но с изменениями климата экстремальным станет все, включая внезапные радикальные перемены погоды. В этом отношении Лос-Анджелес должен как будто опережать время – и выступать примером климатического будущего, к которому остальной мир пока лишь присматривается сквозь пальцы: жителям города и его окрестностей полагается представлять грядущие устрашающие разрушения и пытаться понять, насколько комфортной или даже сносной в таких условиях будет жизнь.

Но вместо этого я нашел там совсем иную картину будущего в условиях глобального потепления – а именно образцовый пример нормализации, с помощью которой мы рефлекторно перестраиваем наши ожидания таким образом, чтобы нынешние и грядущие страдания не шокировали и не пугали нас настолько сильно, как должны. Калифорния уже давно знакома с лесными пожарами (в этом отношении истории штата хватило бы на целый учебник по нормализации), и, хотя почти все, с кем я разговаривал, назвали последние два года исключительными – даже ужасающими, – казалось, они только сильнее привязались к этой беспокойной, суровой земле. Я встретил женщину, прожившую в Малибу достаточно долго, чтобы пережить девять пожаров, но начавшую думать о переезде только сейчас – по личным причинам, как она сказала. Я разговаривал с серфером, который жаловался, что прошлой зимой вода в течение нескольких месяцев имела вкус и запах пепла, но он продолжал покорять волну. Я поговорил с несколькими людьми, отказавшимися следовать обязательной эвакуации. Ни один из них не планировал уезжать и в следующий раз, когда в два часа ночи их разбудит сирена эвакуации от колоссального пожара, разгоревшегося, пока они спали.

Это всего лишь разрозненные истории из жизни местных жителей, но пожарная политика Калифорнии, где городским службам еще ни разу не удалось остановить огонь, раздуваемый ветрами Санта-Ана[158], отражает ту же тревожную тенденцию. Эрик Гарсетти, мэр Лос-Анджелеса, – коренной житель города, и сейчас ему сорок восемь лет; в год его рождения природные пожары выжгли 24 тысячи гектаров земли по всему штату. В 2013 году, когда его впервые избрали мэром, выгорело 243 тысячи гектаров. В 2017 году, когда его переизбрали с более чем 80% голосов, выгорело около 485 тысяч гектаров. А в 2018 году, когда он подумывал о президентской кампании, от которой позже отказался,

выгорело свыше 764 тысяч гектаров. Сегодня калифорнийские пожары стали в пять раз масштабнее, чем в 1970-х, а летние пожары – в восемь раз; и, даже по консервативным оценкам, уже к 2050 году площадь ежегодных пожаров на всем западе США вырастет как минимум вдвое, а может, и вчетверо. Всего через тридцать лет – именно на такой срок банки выдают ипотечные кредиты в этих пожароопасных землях. Дальше картина становится туманной, и прогнозы расходятся на середине века – отчасти потому, что разные ученые применяют разные подходы для оценки пожарной опасности в конкретной экосистеме после того, как вся ее земля выгорит. В Большом Лос-Анджелесе это может произойти уже к 2050 году. И в свете грядущего пережитый опыт – каким бы душераздирающим он ни казался – может просто не пригодиться. «Никаких вертолетов, машин, пожарных и усилий по расчистке зарослей не хватит, чтобы это остановить, – сказал мне Гарсетти. – Это прекратится, только когда Земля, вероятно, через много лет после нашего исчезновения вернется к погоде с более предсказуемой динамикой».

А до тех пор, если мы не предпримем решительных мер и не сместим весь технологический уклад современной жизни подальше от углерода, мы можем вопреки всякой логике успокаивать себя мыслями о том, что в мире всегда происходили засухи и потопы, ураганы, жара, голод и войны. Кто-то наверняка будет биться в приступах паники, думая о том, что будущее столь многих людей кажется столь непригодным для жизни, совершенно невообразимым и даже непостижимым сегодня. В промежутках между этими приступами мы будем заниматься своими повседневными делами, притворяясь, что кризиса не существует; будем выживать в мире, все более подвластном безжалостному изменению климата из-за нашей раздробленности и отрицания. Мы будем оплакивать нашу погорелую политику и истлевшие ожидания будущего, лишь изредка связывая их с разогревом планеты. Время от времени мы будем достигать какого-то прогресса и гордиться собой – хотя прогресса никогда не было достаточно и он никогда не происходил вовремя.

Но кто эти «мы»? Пожалуй, с момента выхода «Необитаемой Земли» – напичканной дежурными апелляциями к коллективной судьбе человечества – именно этот вопрос беспокоит меня больше всего, поскольку проблемы несправедливости вполне оправданно заняли центральное место в дебатах о климате. Слишком часто обыватели видят лишь упрощенную картину кризиса, как будто, если явления глобальны – они окажут одинаковое влияние на всех нас и неравенство не сыграет своей роли; как будто расхождение путей перед нами означает, что возможны только два варианта развития событий: либо мы победим потепление, либо увидим, как оно победит нас. Но самый вероятный исход представляет собой нечто куда более туманное, и он сложится не из отдельно взятых революций, политических панацей, оградительного изоляционизма или реваншистского триумфа корпоративных интересов, но из хаотичного сочетания всего перечисленного и многого другого. Как вы оцениваете это будущее, замутненное пока неизвестным количеством климатических страданий, насколько оно вас ужасает, мотивирует, злит и пугает – все это, вероятно, многое говорит о том, что вы подразумеваете под словами «мы», «нам» и «они».

Само изменение климата дает столь противоречивые ответы на этот важный вопрос, что их может быть сложно одновременно удержать в голове. Кары потепления уже распределены неравномерно, и, вероятно, эта разница будет только усиливаться – в масштабе сообществ,

стран и всего мира. Сегодня те, кто обладает властью для осуществления значимых изменений, зачастую лучше всех защищены от последствий потепления; и во многих случаях им гораздо выгоднее бездействовать. Но изменение климата – это, несомненно, эпопея, к которой причастен каждый, и она грозит исковеркать наши жизни, если мы не сменим курс. Решения, если мы осмелимся их представить, тоже будут глобальными, и это, как я считаю, делает универсальный взгляд – пускай он не совсем точный – уместным, иллюстративным и вселяющим надежду на светлое будущее, относительно пригодное для жизни, относительно полноценное, относительно процветающее и, быть может, не только «относительно» справедливое. Можете считать меня сумасшедшим или скорее наивным, но я все еще верю, что мы справимся.

Благодарности

Если эта книга чего-то и стоит, то лишь благодаря работе ученых, которые сначала теоретизировали, а затем документировали потепление планеты, а после начали изучать и выделять те последствия, которые потепление принесет всем ее обитателям. Мой список начинается с Юнис Фут и Джона Тинделла, живших в XIX веке, и простирается до Роджера Ревелла и Чарльза Дэвида Килинга из двадцатых годов и далее до сотен ученых XXI века, чьи труды упоминаются в разделе примечаний (и, конечно, сотен неупомянутых других, работавших со всем усердием). Любой наш прогресс по борьбе с наступлением меняющегося климата в ближайшие десятилетия произойдет благодаря им.

Я нахожусь в неоплатном долгу перед теми учеными, публицистами и активистами, которые были особенно добры ко мне за последние годы, за их время и вклад – они помогли мне понять их исследования и направили к новым источникам, соглашаясь на мои запросы на беспорядочные интервью или публичные обсуждения со мной состояния планеты, вели со мной переписку и во многих случаях исправляли мои ошибки, в том числе в отдельных фрагментах этой книги, до ее публикации. Это Ричард Элли, Дэвид Арчер, Крэйг Бекер-Остин, Дэвид Баттисти, Питер Бреннен, Уоллес Смит Брокер, Маршалл Бёрк, Этан Коффел, Айгуо Дай, Питер Глейк, Джефф Гуделл, Эл Гор, Джеймс Хансен, Катерин Хейхо, Джефффри Хил, Соломон Сианг, Мэтью Хьюбер, Нэнси Ноултон, Роберт Копп, Ли Камп, Ираклий Лоладзе, Чарльз Манн, Джефф Манн, Майкл Манн, Кейт Марвел, Билл Маккиббен, Майкл Оппенгеймер, Наоми Орескес, Эндрю Ревкин, Джозеф Ромм, Линн Скарлетт, Стивен Шервуд, Джоел Вайнрайт, Питер Уорд и Элизабет Волкович.

Кроме того, когда я впервые начал писать о климате в 2017 году, я полагался на важнейшую исследовательскую помощь Джулии Мид и Теда Харта. Я также благодарен всем, кто откликнулся на мою статью и опубликовал свои ответы в других изданиях, – особенно Женевиеве Гюнтер, Эрику Холтхаусу, Фахраду Манджу, Сюзан Мэтьюс, Джейсону Марку, Робинсону Мейеру, Крису Муни и Дэвиду Робертсу. Сюда я также отношу всех ученых, корректировавших мои работы для сайта Climate Feedback, построчно проверяя мои выкладки. При подготовке этой книги для публикации придирчивее и тщательнее всех ее проверила Челси Лью, и моя признательность к ней не знает границ.

Эта книга не могла бы состояться без наставлений, мудрости и терпения Тины Беннет, которой я благодарен на всю жизнь. И эта книга не стала бы книгой без пронизательности, таланта и веры Тима Даггана и безгранично полезных работ Молли Стерн, Дайаны Мессины, Джулии Бредшоу, Уильяма Вулфслау, Обри Мартинсон, Джули Кеплер, Рейчел Элдри, Крэйга Адамса, Фила Леунга и Андреа Лау, а также Хелен Конфорд из издательства Penguin в Лондоне.

Я бы не написал эту книгу без помощи людей из Восточного Центрального парка и Пэм Кушинг, моей второй матери. Я благодарен всем, с кем работал в журнале New York, за их поддержку и поощрение на этом пути. Особенно это касается моих начальников, Джареда Холта, Адама Мосса и Пэм Вассерштайн, а также Дэвида Хаскелла, моего редактора, друга и одного из вдохновителей. Остальные друзья и вдохновители помогли мне доработать и переосмыслить то, что я хотел выразить в этой книге, за что я им всем говорю огромное спасибо. Это Исаак Хотайнер, Керри Хаули, Хуа Су, Кристиан Лорентцен, Норим Мелоун, Крис Перрис-Лэмб, Уилла Паскин, Макс Рид и Кевин Руз. Еще хочу поблагодарить за все Джерри Сальтца и Уилал Лейтча; Майка Марино, Энди Рота и Райана Ленгера; Джеймса Дарнтон, Эндрю Смолла и Энн Фабиан; Кейси Шварц и Мари Бреннер; Ника Циммермана, Дэна Уэббера и Джои Фрэнка; Джастина Паттнера, Даниэла Бренда, Кейтли Ропер, Энн Кларк, Норин Мелоун и Алексис Свердлофф; Стеллу Багби, Маган О'Рурк, Роберта Асахина, Филипа Гуревича, Лорин Стайн и Майкла Грунвальда.

Моим лучшим читателем, как обычно, был мой брат Бен; не имея его перед собой в качестве примера, не знаю, кем бы я стал. Меня безмерно вдохновили Гарри и Розанна, Дженн, Мэтт и Хезер, и более всего – мои отец с матерью, и, хотя лишь один из них прочтет эту книгу, они оба дали мне в этой жизни все, что у меня есть.

И напоследок больше всех я хочу поблагодарить моих любимых Ризу и Рокку – за последний год, последние двадцать лет и последующие пятьдесят или более лет. Надеюсь, эти годы будут счастливыми.

Версия #1

Зверобой создал 25 апреля 2025 06:19:46

Зверобой обновил 25 апреля 2025 06:20:34